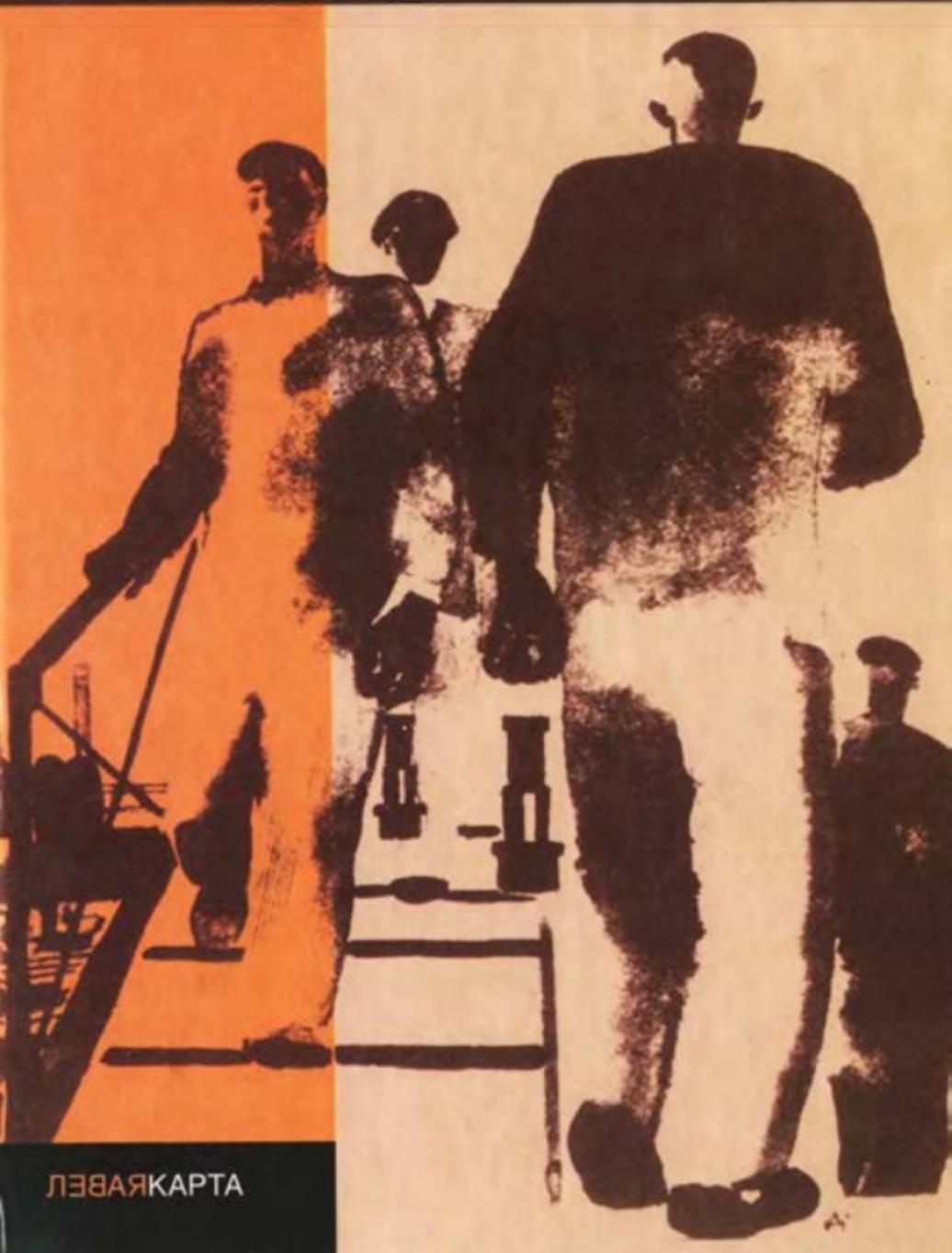

Георг Лукач

История и классовое сознание

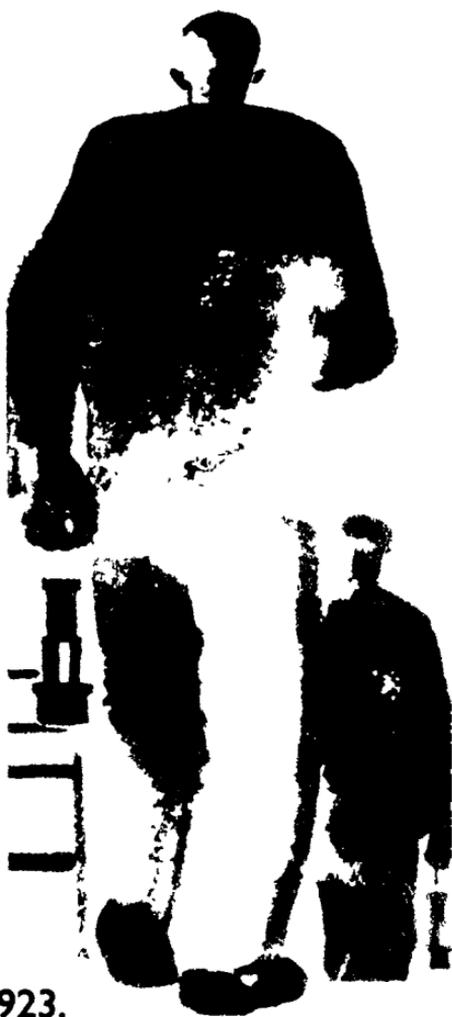
ЛЕВЯКАРТА

Georg Lukacs

Geschichte und Klassenbewusstsein

Studien

ueber marxistische Dialektik

Der Malik Verlag / Berlin, 1923.

Георг Лукач

История и классовое сознание

Исследования
по марксистской диалектике

перевод с немецкого
Сергея Земляного

Москва 2003

 Logosaltera

ЛЕВАЯКАРТА

ББК 87.3
УДК 316
Л 84

Перевод с немецкого –
С.Н. Земляного

Художественное оформление –
А. Эльконин

Издание осуществлено под эгидой
Института проблем глобализации

Лукач, Георг

Л 84 История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. / Перевод, предисловие С.Н. Земляного. М.: «Логос-Альтера», 2003. – 416 с.

ISBN 5-98378-002-6

ББК 87.3

- © G. Lukács. Geschichte und Klassenbewusstsein. Studien ueber marxistische Dialektik. Der Malik Verlag/Berlin, 1923.
- © «Логос-Альтера». Москва, 2003.
- © Перевод с нем., предисловие: С.Н. Земляной, 2003.
- © Художественное оформление серии : А. Эльконин, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 *Сергей Земляной. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах XXI века*
- Георг Лукач. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*
- 70 Предисловие (1967)
- 98 Предисловие (1922)
- 104 Что такое ортодоксальный марксизм?
- 128 Роза Люксембург как марксист
- 145 Классовое сознание
- 179 Овеществление и сознание пролетариата
1. Феномен овеществления 180
2. Антиномии буржуазного сознания 204
3. Точка зрения пролетариата 236
- 303 Изменение функций исторического материализма
- 332 Легальность и нелегальность
- 346 Критические заметки к брошюре
 Розы Люксембург «Русская революция»
- 365 Методологические заметки к вопросу об организации

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ КАК МАРКСИСТ

Экономисты объясняют нам, как совершенствуется производство при указанных отношениях; но у них остается не выясненным, каким образом производятся сами эти отношения, то есть то историческое движение, которое их порождает.

К. Маркс. Нищета философии

1.

Не господство экономических мотивов в объяснении истории решающим образом отличает марксизм от буржуазной науки, а точка зрения тотальности. Категория тотальности, всестороннее, определяющее господство целого над частями есть сущность того метода, который воспринял Маркс от Гегеля и который он оригинально преобразовал, положив в основу совершенно новой науки. Капиталистическое отделение производителя от совокупного процесса производства, раздробление трудового процесса на части без учета человеческого своеобразия рабочего, атомизация общества, распадающегося на индивидов, производящих без плана и без взаимной связи, как придется, и т.д., – все это должно было глубоко повлиять также на мышление, науку и философию капитализма. Фундаментальная революционность пролетарской науки состоит не только

в том, что она противопоставляет буржуазному обществу свое революционное содержание, но в первую очередь в революционной сущности самого метода. *Господство категории тотальности есть носитель революционного принципа в науке.*

Этот революционный принцип гегелевской диалектики, присущий ей, несмотря на содержательно консервативные аспекты гегельянства, был распознан многими мыслителями до Маркса, однако из такого познания не смогла вырасти революционная наука. Лишь у Маркса гегелевская диалектика действительно стала, говоря словами Герцена, «алгеброй революции». Однако она не просто была материалистически перевернута с головы на ноги. Напротив, при таком переворачивании и благодаря этому революционный принцип гегелевской диалектики мог проявиться лишь в силу того, что Марксом были полностью сохранены сущность метода, точка зрения тотальности, рассмотрение всех частных явлений как моментов целого, диалектического процесса, понятого как единство мысли и истории. Диалектический метод у Маркса исходит из познания общества как тотальности. Буржуазная наука либо – наивно-реалистически – приписывает «действительность», либо – «критически» – автономии тем необходимым и полезным для методологии частных наук абстракциям, которые возникают, с одной стороны, вследствие содержательного обособления объектов исследования, с другой стороны, вследствие научного разделения труда и специализации, в то время как марксизм упраздняет эти обособления, возвышая и низводя их до диалектических моментов. Абстрагирующая изоляция элементов, будь то область исследования в целом или отдельные проблемные комплексы либо понятия в рамках известной области исследований, конечно, является неизбежной. Но решающее значение имеет то, является ли такая изоляция лишь средством для познания целого, то есть вовлекается ли она всегда в правильную совокупную взаимосвязь, которую она предполагает и требует, или же абстрактное познание изолированной части этой области сохраняет свою «автономию», остается самоцелью. Для марксизма, стало быть, в конечном счете, не существует самостоятельной юридической науки, политической экономии, истории, и т.д., а существует лишь единственная, единая – историко-диалектическая – наука о развитии общества как тотальности.

Точка зрения тотальности, однако, определяет не только предмет, но также субъекта познания. Буржуазная наука рассматривает явления общества – сознательно или бессознательно, наивно или изощренно – всегда с точки зрения индивида¹. А с точки зрения индивида нельзя разглядеть никакой тотальности, в лучшем случае можно увидеть аспекты отдельной области, а по большей части – лишь нечто фрагментарное: разрозненные «факты» или абстрактные частные законы. Тотальность предмета может быть положена лишь тогда, когда полагающий субъект сам является тотальностью. Когда полагающий субъект, чтобы мыслить себя самого, вынужден мыслить предмет как тотальность. Эту точку зрения тотальности как субъекта в современном обществе представляют единственно и только классы. И Маркс, особенно в «Капитале», рассматривая

любую проблему с данной точки зрения, в этом пункте поправил Гегеля, позиции которого все еще колебались между «великим индивидом» и абстрактным духом народа, намного более решительно и плодотворно, нежели в вопросе об «идеализме» или «материализме». Правда, это редко находило понимание у последователей Маркса.

Классическая политэкономия и в еще большей мере ее вульгаризаторы трактовали капиталистическое развитие всегда с точки зрения *отдельного капиталиста* и поэтому запутались в целом ряде неразрешимых противоречий и мнимых проблем. Маркс в «Капитале» радикально порывает с этим методом. И не в том дело, что в агитационных целях он каждый момент тотчас же рассматривал исключительно с точки зрения пролетариата. Из подобной односторонности могла возникнуть лишь новая вульгарная политэкономия, так сказать, с обратным знаком. Напротив, дело в том, что он рассматривал проблемы всего капиталистического общества как проблемы создающих его классов — класса капиталистов и класса пролетариев в *качестве целостностей* (als Gesamtheiten). В какой мере благодаря этому на целый ряд вопросов был пролит совершенно новый свет, какие возникли новые проблемы, о которых классическая политэкономия даже не подозревала, не говоря о том, чтобы предложить их решение, как многие из ее мнимых проблем разрешились в ничто, — исследование всего этого на данных страницах является невозможным. Автор хотел бы указать лишь на методологическую проблему. Главное здесь состоит лишь в том, чтобы четко очертить две предпосылки подлинного, а не нарочитого, как у эпигонов Гегеля, овладения диалектическим методом, а именно: тотальностью должен быть как положенный предмет, так и полагающий субъект.

2.

Роза Люксембург в своем главном труде «Накопление капитала», после десятилетий вульгаризации марксизма, берется за означенную проблему, отправляясь от этого пункта. Это опошление марксизма, преклонение вульгарного марксизма перед буржуазной «научностью» нашли свое первое и открытое выражение в «Предпосылках социализма» Бернштейна. Отнюдь не случайно, что та же самая глава книги, которая начинается яростными нападками на диалектический метод от имени строгой «науки», заканчивается упреком в бланкизме, адресованным самому Марксу. Не случайно то, что революционность Маркса должна была предстать как откат к примитивному периоду рабочего движения, к бланкизму в то мгновение, когда были отброшены точка зрения тотальности, исходный пункт и цель, предпосылка и требование диалектического метода; в то мгновение, когда революция стала пониматься не как момент процесса, а как изолированный, отрезанный от совокупного движения акт. А с принципом революции, этим следствием категориального господства тотальности, распадается вся система марксизма. И в качестве оппортунизма критика Бернштейна является слишком оппортунистической, чтобы в этом плане

могли проясниться все ее неизбежные последствия².

Но диалектический ход истории, самый след которого, прежде всего, стремятся выкорчевать из марксизма оппортунисты, тем не менее, вынуждает их и здесь к необходимым выводам. Экономическое развитие в эпоху империализма делает все более невозможными мнимые нападки на капиталистическую систему, «научный» анализ ее явлений, рассматриваемых изолированно — в интересах «объективной и строгой науки». Следует не только политически решить для себя, выступать за или против капитализма. Следует принять также теоретическое решение, и развилка такова: либо надо по-марксистски рассматривать совокупное развитие общества как тотальности, чтобы затем теоретически и практически овладеть феноменом империализма, либо надлежит уклониться от этой встречи, ограничиваясь частнонаучным изучением обособленных моментов. Монографический подход надежнее всего замыкает горизонт перед проблемой, рассмотрения которой страшилась вся социал-демократия, ставшая оппортунистической. Когда она проводила «точное» описание в отдельных областях, находила применительно к отдельным случаям «имеющие вневременное значение законы», пропадала грань, отделяющая империализм от предшествующего периода. Оппортунисты обретались в капитализме «вообще», существование которого, как им казалось, все больше отвечало сущности человеческого разума, точно так же подчинялись «естественным законам», как это имело место у Рикардо и его последователей, буржуазных вульгарных экономистов.

Если бы мы задались целью исследовать, явился ли практический оппортунизм причиной этого теоретического отката к методологии вульгарных экономистов или наоборот, то это была бы не марксистская и не диалектическая постановка вопроса. Для способа рассмотрения, присущего историческому материализму, две эти тенденции являются неразрывными: они образуют социальную среду, обусловившую состояние, в котором социал-демократия находилась до войны; ту среду, исходя из которой только и могут быть поняты теоретические битвы вокруг «Накопления капитала» Розы Люксембург.

Ибо дебаты, которые велись Бауэром, Эккштейном и другими, вращались не вокруг вопроса, является ли содержательно правильным либо ложным решение проблемы накопления капитала, которое предложила Роза Люксембург. Напротив, спор шел о том, имеется ли здесь вообще проблема; с крайней горячностью оспаривалось наличие действительной проблемы. С методологической точки зрения вульгарной политэкономии это вполне понятно, даже необходимо. Ибо если вопрос накопления, с одной стороны, изучается как частная проблема политэкономии, с другой стороны, рассматривается с позиций отдельного капиталиста, то на самом деле здесь вообще нет никакой проблемы³.

Это отрицание проблемы в целом тесно связано с тем, что критики Розы Люксембург обошли вниманием решающую главу книги («Исторические условия накопления») и последовательно поставили вопрос в следующей форме: являются ли правильными формулы Маркса, которые базируются на основе

методологически изолированного предположения о состоящем из капиталистов и пролетариев обществе? И каким образом их можно лучше всего истолковать? Критики совершенно проигнорировали то, что данное предположение у самого Маркса было лишь методологическим приемом, нужным для более ясного понимания проблемы, от которого, однако, следовало переходить к более широкой постановке вопроса, ориентированной на тотальность общества. Они проигнорировали, что Маркс сам сделал этот шаг применительно к так называемому первоначальному накоплению в первом томе «Капитала»; они – сознательно или бессознательно – не замечали того, что весь «Капитал» является фрагментом именно в отношении этого вопроса, обрывающимся как раз там, где должна была фигурировать данная проблема; что, соответственно, Розе Люксембург ничего не оставалось, кроме как додумать до конца и сообразно с этим дополнить фрагмент Маркса в духе самого Маркса.

Тем не менее критики Розы Люксембург действовали вполне последовательно. Ведь с точки зрения отдельного капиталиста, с точки зрения вульгарной политэкономии, эта проблема фактически и не должна ставиться. С точки зрения отдельного капиталиста экономическая действительность предстает как мир, в котором правят вечные естественные законы; к законам этого мира капиталист должен приспособлять всю свою жизнедеятельность. Реализация прибавочной стоимости, накопление совершается для него в форме обмена с другим обособленным капиталистом (впрочем, даже здесь это происходит лишь зачастую, но отнюдь не всегда). И вся проблема накопления предстает лишь как одна из многообразных изменчивых форм, которые приобретают формулы Д-Т-Д и Т-Д-Т в процессах производства, обращения и т.д. Таким образом, для вульгарной политэкономии проблема накопления является частной проблемой частной науки, которая все равно, что никак, не связана с судьбой капитализма в целом; ее решение гарантируется правильностью Марксовых «формул», которые, согласно Отто Бауэру, надо лишь «время от времени» улучшать. То обстоятельство, что с помощью этих формул нельзя в принципе и никогда постичь экономическую действительность, поскольку их предпосылкой является абстрагирование от совокупной действительности (общество рассматривается как состоящее лишь из капиталистов и пролетариев), поскольку формулы могут служить лишь для прояснения проблемы, лишь как трамплин, позволяющий допрыгнуть до правильной постановки проблемы, – это Отто Бауэр и сотоварищи уразумели так же мало, как в свое время школа Рикардо – марксистские ходы мысли.

«Накопление капитала» вновь берет на вооружение метод и постановку вопроса молодого Маркса, содержащиеся в «Нищете философии». Подобно тому как там анализируются исторические условия, которые сделали возможной политэкономии Рикардо и придали ей значимость, точно так же здесь этот метод применяется к фрагментарным исследованиям второго и третьего томов «Капитала». Буржуазные политэкономы как идеологические представители поднимающегося капитализма должны были отождествлять найденные Сми-

том и Рикардо «естественные законы» с общественной действительностью, чтобы выдавать капиталистическое общество за единственно возможное, соответствующее «природе» человека и разуму. Точно так же социал-демократия в качестве идеологического выражения той омещанившейся рабочей аристократии, которая была заинтересована в империалистической эксплуатации всего мира на последней стадии капитализма, но тем не менее попыталась уклониться от своей неизбежной судьбы, от мировой войны, должна была рассматривать развитие таким образом, как если бы капиталистическое накопление могло осуществляться в безвоздушном пространстве математических формул (то есть – без проблем, то есть – без мировой войны). В том, что касается политической мудрости и предвидения, социал-демократы оказались далеко позади слоев с крупно-буржуазными, капиталистическими интересами, которые принимали империалистическую эксплуатацию вместе со всеми ее военными последствиями. Но именно благодаря этому социал-демократы уже тогда сумели теоретически занять свой сегодняшний пост: они стали хранителями капиталистического экономического строя и гарантами его вечного существования, они стали охранять его от роковых катастрофических последствий, к которым пророчески слепо влекут империалистический капитализм его истинные представители. Подобно тому как отождествление рикардовских «естественных законов» с общественной действительностью было идеологической самообороной поднимающегося капитализма, точно так же истолкования Маркса, данные австрийской школой, совершенная ею идентификация Марксовых абстракций с тотальностью общества является самообороной гибнущего капитализма с его «рациональностью». Подобно тому как концепция тотальности молодого Маркса ярко осветила ужасный лик тогда еще цветущего капитализма, точно так же в концепции Розы Люксембург, которая включила фундаментальные проблемы капитализма в тотальность исторического процесса, последний расцвет капитализма приобретает характер ужасного данс-макабра, эдиповского пути к своей неминуемой судьбе.

3.

Роза Люксембург посвятила опровержению «марксистской» вульгарной политэкономии брошюру, вышедшую после ее смерти. Это опровержение, однако, нашло бы самое верное, – верное как с точки зрения изложения, так и с точки зрения методологии, – место в конце второго раздела самого «Накопления капитала», как четвертый приступ к рассмотрению этого судьбоносного вопроса капиталистического развития. Ибо своеобразие изложения в этой книге состоит в том, что преобладающую ее часть занимают проблемно-исторические исследования. Дело не только в том, что Марксов анализ простого и расширенного воспроизводства составляет исходный пункт исследования вообще и почин окончательного, содержательного рассмотрения самой проблемы. Сердцевина книги – это, так сказать, историко-литературный анализ великих дебатов

по вопросу накопления: дебатов между Сисмонди и Рикардо с его школой, между Родбертусом и Кирхманном, между народниками и русскими марксистами.

Однако и с этой своей манерой изложения Роза Люксембург не стоит вне рамок Марксовой традиции. Своеобразие композиции ее книги, напротив, также означает возврат к оригинальному, не фальсифицированному марксизму – к манере изложения самого Маркса. Ибо его первое зрелое, завершенное и итоговое произведение, «Нищета философии», опровергает Прудона путем возвращения к действительным источникам его воззрений – к Рикардо, с одной стороны, к Гегелю – с другой стороны. Анализ того, где, как и, прежде всего, почему Прудон *должен был* неправильно понять Рикардо и Гегеля, является источником света, который не только немилосердно высвечивает противоречие, в которое вступает Прудон с самим собой, но проникает до самых темных, неизвестных ему самому оснований, из которых проистекают все его заблуждения: до классовых отношений, теоретическим выражением которых являются его воззрения. Ведь «экономические категории представляют собой лишь теоретическое выражение, абстракции общественных отношений производства», – утверждает Маркс⁴. И хотя главное его теоретическое произведение лишь отчасти допускало подобный способ проблемно-исторического *изложения* ввиду своего объема и многообразия рассматриваемых отдельных проблем, это не должно затушевывать *содержательной однородности трактовки проблемы*. «Капитал» и «Теория прибавочной стоимости», по сути дела, являются произведением, внутреннее строение которых означает содержательное разрешение проблемы, блестяще, великолепно также в литературном плане, очерченной и поставленной в «Нищете философии».

Эта внутренняя форма изложения проблемы вновь приводит к центральной проблеме диалектического метода, к правильно понятому господствующему положению категории тотальности и тем самым – к гегелевской философии. Философский метод Гегеля, который всегда – наиболее увлекательно в «Феноменологии духа», – был одновременно историей философии и философией истории, в этом существенном пункте никогда не отбрасывался Марксом. Ибо гегелевское диалектическое воссоединение мышления и бытия, понимание их единства как единства и тотальности некоторого процесса, составляют также сущность философии истории исторического материализма. Даже материалистическая полемика против «идеологического» понимания истории в большей мере направлена против эпигонов Гегеля, нежели против самого мастера, который в этом отношении стоял намного ближе к Марксу, чем думал некоторое время сам Маркс в пылу борьбы с «идеалистическим» окостенением диалектического метода. «Абсолютный» идеализм эпигонов Гегеля как раз и означает разложение первоначальной тотальности системы⁵, отделение диалектики от живой истории и тем самым, в конечном счете, – ликвидацию диалектического единства мышления и бытия. Но догматический материализм эпигонов Маркса повторяет вновь это разложение конкретной тотальности исторической действительности. Даже если их метод не вырождается в пустую схематику,

как у эпигонов Гегеля, то он застывает в виде механистической вульгарной политекономии, выступающей в качестве частной науки. Если эпигоны Гегеля из-за этого утрачивали способность постигать исторические события с помощью своих чисто идеологических конструкций, то эпигоны Маркса точно так же оказываются неспособными понять как взаимосвязь так называемых «идеологических» форм общества с их экономической основой, так и саму экономику как тотальность, как общественную действительность.

Диалектический метод, к чему бы он ни применялся, вращается вокруг одной и той же проблемы: вокруг познания тотальности исторического процесса. Поэтому для него «идеологические» и «экономические» проблемы утрачивают их взаимную косную чуждость, перетекают друг в друга. *Проблемная история фактически становится историей проблем.* Литературное, научное выражение проблемы выступает как выражение общественной целостности, как выражение ее возможностей, границ и проблем. Литературно-историческое рассмотрение проблемы, стало быть, наиболее четко может выразить проблематику исторического процесса. История философии становится философией истории.

Поэтому отнюдь не случайно, что оба основополагающих труда, которыми начинается теоретическое возрождение марксизма, – «Накопление капитала» Розы Люксембург и «Государство и революция» Ленина, – также с точки зрения изложения возвращаются к форме изложения молодого Маркса. Дабы диалектически нарисовать перед нашим взором сущностную проблему своих произведений, они некоторым образом дают литературно-историческое изложение генезиса своих проблем. И когда они анализируют изменение и метаморфозы тех воззрений, которые предшествовали их собственной постановке проблемы, когда они рассматривают каждый такой этап мыслительного прояснения или путаницы в исторической совокупности их условий и последствий, они рисуют с недостижимой иначе жизненностью *сам исторический процесс*, плодом которого, по сути, является их собственная постановка проблемы и ее решение. Нет большей разницы, нежели разница между этим методом и «учетом предшественников» в буржуазной науке (к каковой вполне принадлежат также социал-демократические теоретики). Ибо, когда буржуазная наука проводит методологическое различие между теорией и историей, когда она делает принципиальное методологическое разграничение между отдельными проблемами, стало быть, исключает по мотивам строгой научности проблему тотальности, то проблемная история становится содержательным и формальным балластом для самой проблемы; становится чем-то таким, что может иметь интерес лишь для ученых специалистов; а безграничная широта такого интереса все больше забывает подлинное чутье к истинным проблемам и возвращает бездуховную специализацию.

Вследствие такой смычки с традициями изложения и методологии Маркса и Гегеля намеченная Лениным проблемная история становится внутренней историей европейских революций XIX века; а литературно-историческое изложение Розы Люксембург вырастает до истории битв за возможность и экспан-

сию капиталистической системы. Первые великие потрясения еще неразвитого, поднимающегося капитализма, великие кризисы 1815 и 1818-19 годов начинают эту борьбу в форме «Новых принципов политической экономии» Сисмонди. Речь идет о первом, руководствующемся реакционной целью, познании проблематики капитализма. Неразвитая форма капитализма идеологически выражается в одинаково односторонних и грубых точках зрения противников Сисмонди. В то время как Сисмонди с его реакционным скепсисом усмотрел в кризисах свидетельство невозможности накопления, глашатаи нового производственного строя с их несломленным оптимизмом отрицали неизбежность кризисов, наличие этой проблематики вообще. В конце этой линии сменились на обратные социальная принадлежность вопрошающих и историческое значение их ответов: уже стали, пусть даже еще далеко не вполне осознанными, темами обсуждения судьба революции, гибель капитализма. Тот факт, что Марксов анализ оказал решающее теоретическое влияние на эту перемену знаков, является свидетельством, что из рук буржуазии все больше начинало ускользать также идеологическое руководство обществом. И если в теоретических позициях народников открыто проявляется их мелкобуржуазная реакционная сущность, то в случае русских «марксистов» чрезвычайно интересно наблюдать, как они все сильнее становятся идеологическими поборниками капиталистического развития. Они становятся идеологическими наследниками социального оптимизма Сэя, Мак-Каллоха и т.д. в своих взглядах на возможности развития капитализма. «Легальные» русские марксисты, — отмечает Роза Люксембург, — несомненно, победили своих противников, народников, но их победа была слишком убедительна <...> Речь шла о том, жизнеспособен ли капитализм вообще и в особенности в России, и вышеупомянутые марксисты настолько оновательно продумывали эту жизнеспособность, что они даже теоретически доказали возможность вечного существования капитализма. Ясно, что, если предполагать безграничность накопления капитала, то доказана также безграничная жизнеспособность капитализма. Если капиталистический способ производства в состоянии обеспечить безграничное развитие производительных сил, экономический прогресс, то он непреодолим»⁶.

Тут разразился четвертый и последний поединок вокруг проблемы накопления, поединок Отто Бауэра с Розой Люксембург. Вопрос социального оптимизма претерпел новое изменение функций. Сомнение в возможности накопления у Розы Люксембург сбрасывает с себя свою абсолютистскую форму. Оно становится *историческим* вопросом об условиях накопления и тем самым порождает уверенность, что безграничное накопление является невозможным. Накопление становится диалектическим в силу того, что оно рассматривается в своем совокупном общественном окружении. Оно вырастает в диалектику всей капиталистической системы. «В тот момент, — отмечает Роза Люксембург, — когда Марксова схема расширенного воспроизводства отвечает действительности, она указывает исход, историческую границу движения накопления, стало быть, — конец капиталистического производства. Невозможность накопления равносильна для

капитализма невозможности дальнейшего развертывания производительных сил и, следовательно, – объективной исторической необходимости гибели капитализма. Отсюда проистекает противоречивое движение на последней, империалистической стадии капитализма, представляющей собой завершающий период на историческом пути капитала»⁷. Как только сомнение перерастает в диалектическую уверенность, оно не оставляет и следа от всего мещански-реакционного наследства, полученного от прошлого: *оно становится оптимизмом, теоретической уверенностью в грядущей социальной революции.*

Это изменение функций придает противоположной позиции, подтверждающей возможность безграничного накопления, мещански переменчивый, трусливый и мнительный характер. Положительному ответу Отто Бауэра не достает солнечного и беспримесного оптимизма Сэя или Туган-Барановского. Бауэр и его единомышленники со всей своей марксистской терминологией являются в своей теории по сути дела прудонистами. Их попытки решить проблему накопления, лучше сказать, не признать ее в качестве проблемы, в конечном счете, восходят к стремлению Прудона сохранить «хорошие стороны» капиталистического развития и при этом уклониться от его «дурных сторон»⁸. Признание вопроса о накоплении, однако, означает признание, что эти «дурные стороны» неразрывно связаны с внутренней сутью капитализма; следовательно, оно означает, что империализм, мировую войну и мировую революцию нужно понимать как необходимые составляющие развития. Но это противоречит, как уже подчеркивалось, непосредственным интересам тех слоев, чьими идеологическими глашатаями стали марксисты-центристы: тех слоев, которые хотели бы высокоразвитого капитализма без империалистических «наростов», «упорядоченного» производства – без приносимых войной «расстройств» и т.д. «Сторонники этой концепции, – указывает Роза Люксембург, – пытаются внушить буржуазии, что империализм и милитаризм наносят ущерб ей самой, ее собственным капиталистическим интересам, чтобы тем самым изолировать якобы не более чем горстку наживающихся на этом империализме и таким образом создать блок пролетариата с широкими кругами буржуазии, дабы «смягчить» империализм, <...> «вырвать у него жало»! Подобно тому как либерализм в эпоху своего упадка, в пику плохо информированной монархии апеллирует к той, которая информирована лучше, точно так же марксистский центр хотел бы апеллировать от следующей плохим советам буржуазии к буржуазии, готовой внимать урокам»⁹. Бауэр со товарищи капитулировали перед капитализмом как экономически, так и идеологически. Эта капитуляция теоретически выражается в их капиталистическом фатализме, в их вере в вечное, гарантированное «естественными законами» существование капитализма. Но поскольку они как подлинные мещане являются лишь идеологическими и экономическими прихвостнями капитализма, поскольку их желание устремлено к капитализму без «дурных сторон», без «наростов», постольку они одновременно стоят в – опять-таки чисто мещанской – «оппозиции» к капитализму: *в этической оппозиции.*

4.

Экономический фатализм и новое этическое обоснование социализма тесно связаны между собой. Не случайно то, что у Бернштейна, Туган-Барановского и Отто Бауэра мы равным образом находим такое этическое обоснование. А именно, оно появляется не только в силу необходимости отыскать и найти субъективную замену загражденному ими самими объективному пути к революции, но также методологически проистекает из вульгарно-экономического подхода, из методологического индивидуализма. Новое «этическое» обоснование социализма является субъективной стороной отсутствия категории тотальности, которая только и обладает силой воссоединения, обобщения. Для индивида – будь то отдельный капиталист или отдельный пролетарий – окружающий его мир, его общественная среда (и природа, как их теоретическое отражение и проекция) должны казаться brutally и абсурдно роковыми, по сути остающимися вечно чуждыми ему. Этот мир может быть понят индивидом лишь тогда, когда в теории он приобретает форму «вечных естественных законов»; это значит, когда он приобретает чуждую человеку рациональность, совершенно не подвластную и не пронцаемую для его деятельной способности; когда человек относится к нему чисто контемплитивно, фаталистически. В таком мире действия возможны лишь на двух путях, но и тот и другой являются лишь мнимыми, не пригодными для действия, для изменения мира. Во-первых, это использование познанных вышеуказанным образом, фаталистически воспринятых, неизменных «законов» для определенных целей человека (примером тому является техника). Во-вторых, это обращенная лишь вовнутрь деятельность, выступающая в качестве попытки совершить изменение мира в единственном оставшемся в распоряжении человека, свободном пункте мира, в самом человеке (этика). Но поскольку с механизацией мира неизбежно механизуется и его субъект, сам человек, постольку эта этика остается также абстрактной, остается чисто нормативной, а не по-настоящему активной, созидательной, и по отношению к тотальности изолированного от мира человека. Она остается простым должествованием, она имеет характер чистой императивности. Методологическая взаимосвязь между «Критикой чистого разума» Канта и его «Критикой практического разума» является неукоснительной и неизбежной. И всякий «марксист», который при рассмотрении общественно-экономического процесса отказался от точки зрения тотальности, от метода Гегеля-Маркса, дабы как-то приблизиться к не историческому методу частных наук, к методу «критического» рассмотрения, занимающегося поиском «законов», – такой марксист должен, коль скоро он поднимает проблему деятельности, возвращаться к абстрактной императивной этике кантовской школы.

Ибо когда порывают с рассмотрением истории под углом зрения тотальности, то разрывают единство теории и практики. Деятельность, практика, – в «Тезисах о Фейербахе» Маркс потребовал поставить ее во главу угла, – по сути своей, является вторжением в действительность, изменением ее. Но дейст-

вительность может быть понята и сделана проницаемой лишь как тотальность, а на это проникновение в действительность способен лишь субъект, который сам является тотальностью. Не напрасно молодой Гегель выдвигает в качестве первого требования своей философии тот тезис, что следует «понять и выразить истинное не как субстанцию только, но равным образом и как субъект»¹⁰. Тем самым он раскрыл грубейшую ошибку, последнюю границу классической немецкой философии. Вот только его собственная философия оказалась не в состоянии действительно выполнить его требование; она во многом натолкнулась на те же самые границы, что и предшественники Гегеля. Лишь Марксу, который центрировал осуществление познанной тотальности вокруг действительности исторического процесса и ограничил его этой действительностью, определив тем самым познаваемую и подлежащую познанию тотальность, суждено было конкретно выявить это «истинное, понятое как субъект» и, таким образом, установить единство теории и практики. Научно-методологическое превосходство точки зрения класса (в противоположность точке зрения индивида) уже было прояснено вышесказанным. Теперь становится очевидной также причина этого превосходства: *лишь класс способен деятельно вторгнуться в общественную действительность и изменить ее в целом, как тотальность*. Поэтому «критика», которая ведется с этой точки зрения, исходя из познания тотальности, представляет собой диалектическое единство теории и практики. В неразрывном диалектическом единстве она есть одновременно причина и следствие, одновременно отражение и движитель историческо-диалектического процесса. Пролетариат как субъект общественного мышления одним ударом разрушает дилемму бессилия: дилемму фатализма чистых законов и этики чистого долженствования.

Если, стало быть, для марксизма жизненно важным вопросом становится познание исторической обусловленности капитализма (проблема накопления), то он достигает такого познания потому, что лишь в этой взаимосвязи, в единстве теории и практики обретает свое обоснование необходимость социальной революции, тотального преобразования тотальности общества. Лишь в том случае, когда самые познаваемость и познание этой взаимосвязи могут быть постигнуты как продукт процесса, круг диалектического метода может замкнуться (и это положение восходит к Гегелю). Роза Люксембург уже в ее ранней полемике против Бернштейна подчеркивает это сущностное различие тотального и частного, диалектического и механического рассмотрения истории (независимо от того, является ли оно оппортунистическим или путчистским). «В этом состоит, — заявляет она, — главное различие между бланкистским государственным переворотом, совершаемым «решительным меньшинством», которое всегда появляется как выстрел из пистолета и потому всегда несвоевременно, и завоеванием государственной власти большой и классово-сознательной народной массой. Такое завоевание само по себе может быть лишь продуктом начавшегося краха буржуазного общества и потому в себе самом носит экономическо-политическое узаконение своего эпохально обоснованного осуществле-

ния»¹¹. Аналогичным образом она рассуждает в своем последнем произведении: «Объективная тенденция капиталистического развития довлеет указанной цели, она способна уже намного скорее вызвать такое социальное и политическое обострение противоречий в обществе, такую неприемлемость обстановки, что обязательно уготовит конец этой господствующей системе. Но сами эти социально-политические противоречия, в первую очередь, являются лишь продуктом экономической неприемлемости капиталистической системы, и как раз из этого источника они черпают свое обострение, растущее в той мере, в какой все более осязаемой становится их неприемлемость»¹².

Следовательно, пролетариат одновременно является продуктом, перманентного кризиса капитализма и осуществлением тех тенденций, которые влекут капитализм к кризису. «Пролетариат, – говорит Маркс, – осуществляет приговор, который частная собственность выносит сама себе созданием пролетариата»¹³. Пролетариат действует, когда он познает свое положение. Он познает свое положение в обществе, восставая против капитализма.

Но само классовое сознание пролетариата, истина процесса, понятая «как субъект», менее всего являются стабильно одинаковыми, менее всего они движутся вперед в соответствии с механическими законами. Это – сознание самого диалектического процесса: оно также является диалектическим понятием. Ибо практическая, активная сторона классового сознания, его истинная сущность могут лишь тогда наглядно выступать в своем истинном облике, когда исторический процесс повелительно потребует, чтобы это классовое сознание вступило в силу, когда острый кризис экономики побудит его к действию. В противном случае, в соответствии с латентно-перманентным кризисом капитализма, оно останется теоретическим и латентным¹⁴: оно императивно противостоит отдельным повседневным вопросам и повседневной борьбе как «чистое сознание», как, говоря словами Розы Люксембург, «сумма идей».

Однако в диалектическом единстве теории и практики, которое распознал Маркс в освободительной борьбе пролетариата, доведя его до осознания, не может быть никакого чистого сознания, ни в качестве «чистой теории», ни в качестве простого императива, чистого долженствования, простой нормы деятельности. И императив имеет здесь свою действительность. Это значит, что тот уровень исторического процесса, который придает классовому сознанию пролетариата императивный, «латентный и теоретический» характер, – этот уровень должен сложиться как соответствующая действительность и, будучи таковым, действительно вторгнуться в тотальность процесса. Таким формообразованием (Gestalt) пролетарского сознания является партия. Не случайно, что та же самая Роза Люксембург, которая раньше и яснее многих поняла спонтанную природу революционных массовых акций (в которых она, впрочем, подчеркнула другой аспект констатированного ранее положения дел, а именно, что эти акции необходимо продуцируются необходимостью экономического процесса), точно так же ранее многих уяснила себе роль партии в революции¹⁵. Для вульгаризаторов-механицистов партия была лишь организационной фор-

мой, — равным образом массовое движение, революция также рассматривались как организационные проблемы. Роза Люксембург рано поняла, что организация в гораздо большей мере является следствием, нежели предпосылкой революционного процесса, точно так же как и сам пролетариат может конституироваться в класс лишь в процессе и благодаря процессу. В подобном процессе, который партия не может ни вызвать к жизни, ни миновать, ей выпадает, поэтому, возвышенная роль — быть *носителем классового сознания пролетариата, совестью его исторической миссии*. Между тем мнимо более активный, на поверхностный взгляд, и в любом случае более «реальный» способ рассмотрения, при котором партия якобы имеет дело преимущественно или исключительно с организационными задачами, при столкновении с фактом революции скатывается к позиции неустойчивого фатализма, в то время как воззрения Розы Люксембург становятся источником истинной, революционной активности. И если партия призвана заботиться о том, чтобы «на каждом этапе и в каждый момент борьбы была реализована вся сумма наличной и уже расторможенной, задействованной мощи пролетариата, чтобы последняя выразилась в боевой позиции партии, чтобы тактика социал-демократии по своей решимости и четкости никогда не опускалась *ниже* уровня фактического соотношения сил, а напротив, превосходила это соотношение»¹⁶, — если это так, то партия в момент происходящей революции превращает присущий ей императивный характер в действенную действительность, погружая в спонтанное массовое движение имманентную ей истину, поднимая это движение от экономической необходимости его возникновения до свободы сознательной деятельности. И это претворение долженствования в действительность становится рычагом подлинно классовой, подлинно революционной организации пролетариата. Познание становится деятельностью, теория — лозунгом; действующая соответственно лозунгу масса все сильнее, сознательнее и устойчивее примыкает к рядам организованного авангарда. Из верных лозунгов органически вырастают предпосылки и возможности также технической организации борющегося пролетариата.

Классовое сознание — это «этика» пролетариата, единство его теории и его практики, тот пункт, где экономическая необходимость его освободительной борьбы диалектическим образом превращается в свободу. Когда партия постигается как исторический образ и как действительная носительница классового сознания, она одновременно становится носительницей этики борющегося пролетариата. Эта ее функция призвана определять ее политику. Пусть даже ее политика не всегда согласуется с сиюминутной эмпирической действительностью, пусть даже ее лозунги в известные моменты не находят последователей, — необходимый ход истории не только принесет ей удовлетворение, но моральная сила классового сознания, классовой деятельности также даст свои — практические, реально-политические — плоды¹⁷.

Ведь сила партии есть моральная сила: она питается доверием стихийно революционных масс, которых экономическое развитие побуждает к протесту. Она питается их чувством, что партия является их собственной, до конца им

самим еще не ясной волей, зримым и организованным формообразованием их классового сознания. Лишь когда партия завоевывает и заслуживает это доверие, она может стать предводительницей революции. Ибо только тогда спонтанный напор масс будет со всею силою и со всею импульсивностью устремляться в направлении партии, в направлении собственного самоосознания.

Оппортунисты своим разделением нерасторжимого отгородили себя от этого познания, действительного самопознания пролетариата. Поэтому поборники оппортунизма, совершенно в духе мещанского свободомыслия, издевательски рассуждают о «религиозной вере», которая якобы лежит в основе большевизма, революционного марксизма. В их наветах – признание собственного бессилия. Этот их выхолощенный и внутренне изъеденный скептицизм напрасно прикрывается благородной мантией холодной и объективной «научности». Любое слово и любой жест выдает у лучших из них – отчаяние, у худших – внутреннюю пустоту, которая стоит за отчаянием: полную отрешенность от пролетариата, от его путей и от его призвания. То, что они называют верою и пытаются принизить термином «религия», является не более и не менее чем уверенностью в гибели капитализма, уверенностью в победоносной – в конечном счете – пролетарской революции. Но для этой уверенности не может быть никаких «материальных» ручательств. Она гарантирована нам лишь методологически – благодаря диалектическому методу. Но и эта гарантия может быть проверена и обретена лишь путем деяния, путем революции, путем жизни и смерти во имя революции. Марксист так же мало может быть ученым объективистом, как мало «естественные законы» могут гарантировать уверенность в победе мировой революции.

Но единство теории и практики существует не только в теории, но также и для практики. Подобно тому как пролетариат в качестве класса может обрести и закрепить свое классовое сознание лишь в борьбе и деянии, может подняться на уровень своей объективно данной исторической задачи, точно так же партия и отдельный борец способны лишь тогда действительно освоить свою теорию, когда они в состоянии внести такое единство в свою практику. Так называемая религиозная вера является здесь не чем иным, как методологической уверенностью в том, что, несмотря на все временные поражения и откаты назад, исторический процесс до конца идет своим путем *в наших деяниях, благодаря нашим деяниям*. Для оппортунистов и здесь существует старая дилемма бессилия; они говорят: если коммунисты предвидят «поражение», то либо они обязаны воздержаться от любого действия, либо они являются бессовестными авантюристами, политиками, делающими ставку на катастрофы, путчистами. В силу своей духовной и моральной ущербности оппортунисты не в состоянии видеть *самих себя и мгновение своей деятельности как моменты тотальности процесса*; они не способны видеть «поражение» как необходимый путь к победе.

Свидетельством единства теории и практики в жизненном труде Розы Люксембург является то, что единство победы и поражения, индивидуальной судьбы и совокупного процесса составляло руководящую нить ее теории и

жизненного поведения. Уже в ходе своей первой полемики против Бернштейна¹⁸ она показала неизбежность «преждевременного» захвата государственной власти пролетариатом и изобличила вытекающее из этого трусливое оппортунистическое неверие в революцию «как политический абсурд, который исходит из механического развития общества и предполагает, что классовая борьба одержит победу в какой-то исторический момент, определяемый вне и независимо от классовой борьбы»¹⁹. Эта чуждая иллюзий уверенность вела Розу Люксембург в ее борьбе за освобождение пролетариата: за его экономическое и политическое освобождение от материального рабства при капитализме, за его идеологическое освобождение от духовного рабства у оппортунизма. Будучи великой духовной предводительницей пролетариата, она вела свою главную борьбу против этого самого опасного, – поскольку его трудно одолеть, – противника. Ее смерть от рук ее самых настоящих, самых ожесточенных противников, от рук Шейдемана и Носке, является поэтому закономерным увенчанием ее мышления и жизни. То обстоятельство, что она при поражении январского восстания, которое она ясно предвидела – теоретически за годы до него, тактически – в момент акции, осталась с массами и разделила их судьбу, является логическим следствием единства теории и практики в ее деятельности, точно так же как и заслуженная смертельная ненависть к ней ее убийц, социал-демократических оппортунистов.

Январь 1921 года

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Что это не является случайным, а следует из сущности буржуазной науки, Маркс убедительно показал в отношении экономических робинзонад. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. – С. 17 и далее.

² Впрочем, это признает и сам Бернштейн. «На самом деле, – заявляет он, – учитывая агитационные потребности партии, я не всегда делал последовательные выводы из моих критических положений». – E. Bernstein. Voraussetzungen des Sozialismus. IX. Ausgabe. – S. 260.

³ В своей «Антикритике» Роза Люксембург показывает это в особенности применительно к самому серьезному своему критику, Отто Бауэру: Роза Люксембург. Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса. (Антикритика). – М.: Госиздат, 1922. – С. 40 и далее.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – С. 133

⁵ См. по поводу отношения Гегеля к его последователям отличную работу гегельянца Лассалля «Логика Гегеля и логика Розенкранца»: F. Lassale. Werke. Bd. VI. – О том, в какой мере сам Гегель придает своей собственной системе ложное наполнение и глубину корректируется здесь Марксом, который решающим образом развивает его логику, см. статью: «Что такое ортодоксальный марксизм?».

⁶ Rosa Luxemburg. Akkumulation des Kapitals. I. Auflage. – S. 296.

⁷ Ibid. – S. 393.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – С. 134.

- ⁹ Rosa Luxemburg. Antikritik. – S. 118. – См.: Роза Люксембург. Антикритика. – С. 106.
- ¹⁰ Г.В.Ф. Гегель. Феноменология духа. – М.: Соцэкономиздат, 1959. – С. 9.
- ¹¹ Rosa Luxemburg. Sozialreform oder Revolution? – S. 47. – См.: Р.Люксембург. Социальная реформа или революция. – М.: Госполитиздат, 1969. – С. 76-77.
- ¹² Rosa Luxemburg. Antikritik. – S. 37. – См.: Роза Люксембург. Антикритика. – С. 34-35.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. – С. 37.
- ¹⁴ Rosa Luxemburg. Massenstreik. 3. Auflage. – S. 48.
- ¹⁵ Относительно границ ее воззрений см. статьи «Критические заметки...» и «Методологические заметки к вопросу об организации». Здесь мы довольствуемся изложением ее точки зрения.
- ¹⁶ Rosa Luxemburg. Massenstreik. – S. 38.
- ¹⁷ См. также прекрасное место в брошюре Юниуса: Futurus-Verlag. – S. 92.
- ¹⁸ Rosa Luxemburg. Soziale Reform oder Revolution? – S. 47-48. См.: Роза Люксембург. Социальная реформа или революция. – С. 69 и далее.
- ¹⁹ Ibid.